

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ГУБЕРНАТОР СОЖЖЕННОЙ МОСКВЫ

Фёдор Ростопчин и Москва в 1812 году

В январе 1812 года Наполеон разослал своим немецким союзникам из Рейнского союза документ, в котором перечислялись обиды, нанесенные Россией. В нем подчеркивалось, что «территория конфедерации находится в опасности». Вестфальскому королю было приказано провести мобилизацию до 15 февраля. А в начале марта того года Фёдор Ростопчин отправился в Петербург. Ему уже было почти пятьдесят, из них ровно одиннадцать лет – самых зрелых, могучих лет, когда ты полон сил и замыслов, – прошли в ссылке.

Входя в царский кабинет, Ростопчин явственно почувствовал себя снова государственным человеком. И к кому на поклон вела его теперь судьба? К Александру, которого он помнил еще скромным угловатым юношей! В смутные годы правления Павла I, казалось, достаточно одного только слова, намека Ростопчина, чтобы Александру была уготована участь изгоя. Как переменчива жизнь, как неудержимо время!

Александр принял Ростопчина с особенной милостью и долго говорил о своей решимости вести войну с Наполеоном. Ростопчин, соглашаясь с неизбежностью этого столкновения, попросил позволить ему состоять при императорской особе. Александр принял это предложение...

Ростопчин пробыл в Петербурге четыре недели, не раз встречался с Александром на обедах, был приглашен в кабинет царя. Однажды во время такой встречи один на один, после нескольких лестных фраз Александр прямо предложил Ростопчину занять пост Московского главнокомандующего. Ростопчин, по его собственному признанию, не ожидал такого предложения и попросил день на размышление.

В тот же вечер он встретился с великим князем Константином и принцем Ольденбургским: те подтвердили, что именно они рекомендовали Ростопчина как наилучшую замену старому и слабому графу Ивану Васильевичу Гудовичу. Ростопчин развел руками:

– Но я хочу отказаться от этого назначения...

Начался горячий спор, в котором Ростопчин отстаивал свое непереносимое желание быть в это грозное время непосредственно при государе, «как всякий честный человек!»...

На другой день Ростопчин отправился во дворец, чтобы окончательно отказаться от должности. Но Александр не хотел слушать никаких возражений. Как добропорядочный подданный Ростопчин был вынужден смириться.

По обычаю, при назначении полагалось заранее просить денежные награды, ордена, чины... Ростопчин упредил царскую щедрость:

– Прошу не делать мне никаких наград, я хотел бы заслужить ещё те, которыми осыпал меня августейший ваш родитель в продолжение его царствования. Если возможно, обращайтесь на мои представления к наградам тех чиновников, которые будут состоять под моим начальством...

В последующие несколько дней в Петербурге Ростопчин еще дважды виделся с Александром и каждый раз предлагал массу всевозможных проектов, изменений в систему и московской, и российской власти. По большому счету, император сохранял только равнодушную вежливость, слушая Ростопчина и одобряя идеи нового губернатора. Как раз наоборот, отправляя предводителя консервативной партии в Москву, Александр избавлялся от его постоянного присутствия при себе.

Да к тому же должность Московского главнокомандующего была на тот момент в России одной из самых незавидных в виду предстоящих грозных событий. Огненный ветер уже совсем скоро мог подуть на дворцы православной столицы и на древний неприступный Кремль.

Обнародование назначения затягивалось: царь всё никак не мог справиться со всеми мыслимыми и немыслимыми реверансами в адрес засидевшегося на высокой должности Гудовича. Ростопчину, чьё сердце болело от неминуемой угрозы войны, это промедление казалось невыносимо тягостно.

Наконец было обнародовано высочайшее решение о смене московской власти. 24 мая 1812 года Фёдор Ростопчин был назначен военным губернатором в древнюю столицу. 29 мая он был назначен также главнокомандующим в Москве с присвоением военного звания генерала от инфантерии. Ростопчин получил рескрипт царя: “Я рассчитываю на Вас и верю, что Вы оправдаете мое доверие” и, полный планов, тут же приступил к исполнению своих многочисленных обязанностей.

Москва с её нравами и привычками была отлично знакома новому градоначальнику. Ростопчин первым делом приказал отслужить молебны перед всеми чудотворными иконами. Затем собрал полицейских чиновников и устроил им настоящий разнос. Вот как сам Ростопчин рассказывал об этом: “Я объявил полицейским чинам, которых было до 300, что я ничего им не спущу и чтобы они не думали скрывать от меня свои плутни”.

Но вот губернатор беспрестанно сновал по Москве, наводя страх и благоговение: совершил рейд по купеческим лавкам и проверил точность мер и весов. Выгнал со службы квартального надзирателя, который собирал ежедневную дань с мясников – цены на мясо сразу упали на треть. В то же время Ростопчин охотно принимал в своём кабинете жалобщиков и просителей, сам выносил решения по их ходатайствам.

Войдя в курс дела, уже 7 июня Ростопчин спешил сообщить Александру: “Полиция не потребует больших хлопот, но правосудием торгуют, и по низкой цене...”

Ростопчин не чурался узнать, что говорят в народе: “переодетый в гражданское платье, я загонял две пары лошадей, а в 8 часов утра появлялся у себя, в мундире и готовым приняться за работу”.

Разумеется, главной темой уличных толков было наступление наполеоновских войск, быстро приближавшихся к Москве. Чтобы успокоить москвичей, Ростопчин стал издавать листовки патриотического содержания, или, как их называли, афиши.

Первая неофициозная, “авторская” афишка была напечатана 1 июля 1812 года. Она рассказывала о бравом мещанине Корнюшке Чигирине, который бросал вызов самому Наполеону: “Полно тебе фиглярить; вить солдаты-то твои карлики да щегольки: ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житьё-бытьё вынести? От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят”.

Об афишах сохранились довольно противоречивые отклики. Одни свидетели тех горячих дней вспоминали позднее, что “в среде мещан и купцов летучие листки читались с восторгом” (И. М. Снегирев). “Это тоже мастерская, неподражаемая вещь в своём роде! Никогда еще лицо правительство не говорило таким языком к народу” (М. А. Дмитриев). Правда, тот же автор подчеркивал, что иным москвичам претило ростопчинское “хвастовство, язык

их казался неприличным”. “Печатными глупостями Ростопчина” называла афиши Е. Н. Давыдова – мать генерала Н. Н. Раевского. Как вспоминал Пётр Вяземский, афиши Ростопчина были “новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе... Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу: грубой воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ – не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его...”.

В середине лета Москву посетил Александр I. Хотя он повелел Ростопчину никакой официальной встречи не устраивать, уже от последней почтовой станции до Москвы вся дорога была запружена москвичами. Люди, желая увидеть царя, зажгли в темноте фонари, и стало светло как днём...

Возбужденный Ростопчин, встретив Александра, торопился рассказать царю о том, что происходит в древней столице. Рассказать то, что может быть, никак не мог доверить бумаге.

– Со всех сторон, – говорил Ростопчин, – ко мне приходят люди, и я могу очень скоро образовать из них три полка. Нужно только дать им оружие, так как одежду, лошадей и продовольствие жертвуют дворянство, купцы и другие сословия.

Говорили о возможной сдаче Москвы. Александра Ростопчин страстно убеждал:

– Ваших армий достаточно, чтобы остановить неприятеля, и подкрепления будут приходить со всех сторон. Надо защищать Москву и драться насмерть. Может быть, Россия лишится 300 тысяч человек, но слава её будет спасена и престол ваш утвердится.

Увидев, как тень ужаса коснулась лица царя при словах о числе возможных жертв, Ростопчин привел другие доводы:

– Народ русский есть самый благонамеренный, но кто может отвечать за него тогда, когда древняя столица делается местопребыванием сильного, хитрого и счастливого неприятеля рода человеческого? Какого повиновения и ревности ожидать в губерниях, когда злодей издавать будет свои манифесты в Москве?

Воцарилось долгое, тягостное молчание. Завершая тяжёлую тему, Александр поручил Ростопчину продумать детальный план эвакуации ценностей из Москвы...

Утром царь должен был пройти с Красного крыльца на молебен в Успенский собор. Оказалось, что это просто невозможно сделать – вся Красная площадь была заполнена людьми. Свита окружила монарха и медленно-медленно поплыла по волнам людского моря, словно утлый кораблик без руля и без ветрил. Громогласное ура заглушало непрерывный колокольный набат всех московских церквей. Никто и никогда ещё не видел такого энтузиазма!

На следующий день для царя сделали специальные деревянные мостки, чтобы он мог повторить этот путь над кипящей от воодушевления бескрайней толпой. На 15 июля в огромном Слободском дворце были назначены собрания дворянства и купечества. Обращаясь к московскому дворянству, Александр сказал:

– Настало время для России показать свету её могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах. Сего ожидают от вас ваше Отечество и государь.

Весь зал огласился словами:

– Готовы умереть скорее, государь, нежели покориться врагу! Всё, что мы имеем, отдаём тебе!

Люди плакали, и растроганный Александр сказал:

– Я многого ожидал от московского дворянства, но оно превзошло моё ожидание.

Потом царь вошёл в зал, где собралось купечество. И здесь повторилась та же картина. Менее чем за полчаса торговый люд собрал по подписке почти два с половиной миллиона рублей... А всего в тот день дворяне пожертвовали почти три миллиона, купечество – десять миллионов. Было решено вооружить, снабдить одеждой и провиантом 80 тысяч ополченцев!

Узнав о величине пожертвований, Александр расцеловал Ростопчина в обе щеки и, обернувшись к свите, заявил, что он счастлив тем, что приехал в Москву именно в этот решающий момент, счастлив тем, что именно Ростопчина назначил сюда генерал-губернатором — “мастера своего дела”! Аракчеев, стоявший рядом с Ростопчиным, демонстративно бросил фразу:

— А я, который служу ему с тех пор, как он царствует, никогда этого не получал.

Окружённый народом, в сопровождении непрестанного громового ура, царь вернулся в Кремлёвский дворец. Ростопчин ещё не раз вспомнит потом об этом искреннем поцелуе Александра и о том, что ревнивый Аракчеев не забывал таких знаков царского внимания!

Александр уехал из Москвы, пожаловав Ростопчину свой вензель для ношения на эполетах (“Теперь я у тебя на плечах”) и оставив его полновластным правителем, облечённым высочайшим доверием. Оставил в катастрофическом сложном положении импровизатора, которому задали задачу: не пустить Наполеона в Москву. Вопрос остался один: какими силами?

Нескончаем был круг забот “отца Москвы”. Успевавший повсюду, он позабыл о существовании кровати. Однажды Сергей Глинка спросил Ростопчина:

— Когда к вам ни заеду, вы всегда в военном сюртуке. Успокоенная вами Москва спит, а вы когда спите? Вы живёте на даче, а днём — то у Иверской Божьей Матери, то в Кремле, то во всех концах Москвы. Вы будто размножаетесь.

Ростопчин с усталой улыбкой умиротворенно ответил:

— Стыдно было бы мне сейчас и дремать, и спать... Наступило моё время. Я действую в полноте моих сил, — вот и всё!

Москва всё больше и больше симпатизировала Ростопчину, который был деятелен и справедлив. После визита Александра развернулось массовое вступление жителей в ополчение. В управление Ростопчину был вверен округ ополчения, объединявший Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую губернии.

Соответственно Ростопчин учредил два комитета: один для приёма вооружения и продовольствия, другой — для приёма и расходования пожертвований.

При всей высокой патриотичности этого движения не обходилось и без курьёзов. 17-летний студент Никита Муравьев бежал из дома в действующую армию. Его задержали на смоленской дороге, когда в какой-то деревне он вздумал расплатиться за хлеб и молоко золотой монетой. Его приняли за французского агента и связанного привезли в Москву: толпа сопровождала бедного студента ругательствами и угрозами. Да к тому же обер-полицейстер нашёл у него список французских маршалов с их новыми титулами. Молодой человек собирался убивать этих маршалов. Когда мнимого шпиона доставили к Ростопчину, тот с первых пояснений всё понял. Сказав юноше несколько ободряющих слов, он отослал Никиту в родительский дом и в письме отчаявшейся матери написал, что она вправе гордиться таким сыном.

Одна дама явилась к Ростопчину с предложением составить эскадрон амазонок (!). Старые вельможи, испуганные приближением Наполеона, принялись отдавать в ратники всех своих музыкантов, дворовых людей, псарей. Сообщая о своём намерении Ростопчину, богатые москвичи с убеждением добавляли, что дворовую челядь “скорее образовать можно для военного ремесла, нежели крестьян”.

В конце июля к Ростопчину пришёл молодой дворовый и рассказал своему губернатору о том, что им овладело непреодолимое желание драться с французами. Овладело до такой степени, что он лишился сна и сделался нездоров. Ростопчин велел зачислить визитера в солдаты, выдав расписку его помещице — и денег самому добровольцу. Воодушевленный ополченец обещал Ростопчину убивать до 15 французов в день...

Звучали эти и подобные им заявления вполне грозно и воинственно. Да только Ростопчин становился мрачен после ухода из его кабинета таких потенциальных героев. Он-то знал, что на фронте ратники и ополченцы часто просто не шли в счёт, ведь воевать, как учил Суворов, надо было не числом, а умением. В течение месяца было собрано и отправлено в поход двенадцать полков — почти 26 тысяч человек. Из арсенала было отпущено в каждый полк по 500 ружей и по 60 патронов на каждого солдата. Но, слушая отчёт об этих приготовлениях, Ростопчин закипал:

– Приказ о наборе в ополчение дали только 15 июля. Будь он дан двумя месяцами раньше, у меня была бы 120-тысячная милиция с восемью тысячами прекрасной кавалерии!

По мнению Ростопчина, новый рекрутский набор мог иметь самые дурные последствия: “Умы беспокойны, народ несчастен, внутри нет войск, и отчаяние не умеет рассуждать”. Московский главнокомандующий в глубине души вряд ли был сторонником формирования массового ополчения. Он считал, что куда больше пользы могли бы принести небольшие мобильные отряды. На деле у Ростопчина в Москве оставалась единственная боеспособная воинская часть – гарнизонный полк, состоявший из 800 солдат, причём половина из них прослужила в армии только месяц. И это вызывало особую тревогу.

Ещё одной первоочередной заботой Ростопчина стало обеспечение войск. Возглавляемый им комитет по продовольственному снабжению войск организовал вывоз на телегах всего зернового хлеба Смоленской губернии для армии. Всех московских булочников Ростопчин обязал печь хлеб для войск. Специально назначенные люди резали буханки на ломти и сушили день и ночь сухари в нанятых для того печах. Каждое утро обоз из 600 подвод с сухарями и крупой для каши отправлялся от главного магазина к войскам, и такой способ снабжения для 116 тысяч человек продолжал действовать до кануна вступления неприятеля в Москву. На каждой почтовой станции от Москвы до Можайска было выставлено по тысяче лошадей, чтобы без всякого промедления доставлять грузы к месту военных действий.

Когда стратегические неудачи русских войск стали очевидны, Ростопчин открыто высказал свое мнение:

– Очень жаль, что князь Кутузов ещё не в армии. Ни Багратион, ни Барклай не владеют искусством повелевать массами. Кутузов может и должен положить конец этому постыдному отступлению и станет действовать с войсками, у которых одна потребность – драться.

В начале августа Ростопчин написал Александру от имени всех жителей столицы: “Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска, иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредотачивает всё в своей голове”.

Что было ответить царю, который издавна не благоволил к Кутузову? Вот как вспоминал о тех переломных днях Александр I в письме сестре: “В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это, к тому же Барклай делал одну глупость за другой под Смоленском, мне оставалось только уступить единомудушному желанию, и я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос”.

8 августа Александр I назначает Кутузова главнокомандующим. “Спаси нас, побей супостата!” – кричали изможденные беженцы вслед Кутузову, который ехал навстречу театру военных действий.

9 августа в Москву пришли первые обозы с ранеными. Ростопчин отвёл под госпиталь просторный Головинский дворец, обратился к москвичам: “Сюда раненых привезено. Они лежат в Головинском дворце, я их осмотрел, напоил, накормил и спать уложил. Ведь они за вас дрались, не оставьте их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь”.

Люди помогали, но сопровождаемая пыльной завесой череда телег с ранеными солдатами гнетуще подействовала на тех, кто видел их на улицах. Москвичи бросали деньги раненым, несли хлеб и не могли скрыть слёз.

Ростопчин был потрясён, когда узнал о потере Смоленска, эта весть чрезвычайно поразила его. Потеря “ключа от Москвы” означала, что надо немедленно приступить к эвакуации. Несколько дней спустя Ростопчин смело написал царю:

“Сражение под Смоленском есть следствие несогласия между главнокомандующими и нерешительности Баркляя. Мы перебили втрое более людей, нежели потеряли сами, и – мы отступаем. Ваши армии достаточны для того, чтобы остановить неприятеля, а подкрепления подойдут со всех сторон. Надо защищать Москву и биться насмерть”.

О тяжелом положении москвичи заговорили в открытую. Ропот грозил перерасти в нечто большее... Ростопчин почувствовал эту перемену. Он размышлял:

— Если войска будут терпеть ещё поражения и если полиция затруднится сдерживать негодяев, проповедующих бунт, то я велю некоторых повесить... Государственные преступления не могут взывать к милосердию, которое было бы слабостью и повлекло бы и государя, и страну к верной гибели.

Народ потянулся из Москвы. В первых рядах, конечно, были наиболее обеспеченные люди. Гольятьба сразу сообразила, чем это пахнет. Помещики и купцы, державшие путь на восток, встречали в окрестных деревнях далеко не радушный прием. Подмосковные крестьяне, не стесняясь, называли проезжавших трусами, изменниками, кричали вслед коляскам:

— Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам не мила уже? Продали первопрестольную!

Цены на овес и сено подскочили, за постой теперь приходилось платить не по пятаку с человека, а по рублю и больше. Цены на лошадей после падения Смоленска сразу поднялись вчетверо. Многие, уехавшие из Москвы, не выдерживали и через считанные дни возвращались обратно уже и без лошадей, и без экипажа, и без всякого скарба.

День Бородинского сражения Москва провела в сильном беспокойстве. У городских застав впервые стал слышен пушечный гром. 26 августа, в праздник Сретения Владимирской Богоматери, начался крестный ход: шли вокруг Белого города, Китай-города и вдоль стен Кремлевских. От Сретенских ворот до Арбатских крестный ход тесно двигался между двух рядов обозов, в которых раненые и умиравшие воины крестились, глядя на православные иконы и хоругви. Батюшки кропили измученные лица святой водой...

Томимые нетерпением люди выходили к Дорогомилловской заставе, на лету толпой останавливали покрытых пылью военных курьеров, засыпали их вопросами. Первые вести с поля боя были обнадеживающие: русские дрались как львы...

Но эвакуация продолжалась. Для неё было нужно более 69 тысяч телег. В глубь России отправлялись архивы Министерства иностранных дел и Военной коллегии, царские регалии, сокровища Оружейной палаты и Патриаршей ризницы, Троицкого, Воскресенского монастырей.

Разве что Сенат, расположенный в Москве, никак не мог решить своей участи и слал в Петербург в министерство юстиции безответные письма с вопросом: проводить ещё заседания или пора прервать свою деятельность. Ростопчин, удручённый мыслью о том, что Наполеон наверняка постарается использовать забытый в Москве Сенат для утверждения своей власти в России, тут же приказал сенаторам убираться из Москвы. Жест получился не очень вежливый, но почтенные заседатели немедленно и безропотно покорились воле градоначальника.

Ночь с первого на второе сентября прошла тихо... Москва сохраняла свою уютную тишину — берега рек, зелень, ещё не тронутая осенним увяданием. На грани лета и осени первопрестольная столица была прекрасна и величава. Но люди этого уже не замечали. В десять вечера русская армия двинулась в город двумя колоннами, которые уже скоро слились на узких улицах с толпами уходивших из города москвичей, с вереницами обозов. На переправах моментально образовались огромные заторы.

Ростопчин использовал для отправки раненых свой последний большой резерв — пять тысяч подвод с упряжью, которые размещались тайно на лугу за одной из городских застав. У мощной стражи этого стратегического резерва была одна задача: лошадей не давать никому ни при каких обстоятельствах. Удалось вывезти 25 тысяч раненых (а всего в первопрестольной после Бородинского сражения их собралось около 30 тысяч). Под утро телеги двинулись из города. Рядом шагали те, кто ещё мог идти. Этот неимоверно растянувшийся караван, наверное, единственный такой в мировой истории, был в Коломну только на четвёртые сутки...

Артиллерия с грохотом уходила по московским бульварам. Глядя в окно на то, как в отвесах огней солдаты угрюмо шагали по улице, Ростопчин почувствовал, что кровь кипит у него в жилах. Показалось, что сейчас сердце разорвется от горя.

Когда Ростопчин укладывал в шкатулку те бумаги, которые хотел взять с собой, он услышал рядом с кабинетом вопли и рыдания. Вышел и увидел

трёх грузин, которые бросились к его ногам, вопя о том, что обе царевны, обе княжны и экзарх Грузии забыты в Москве. Ростопчин не мог закрыть перед ними дверь. Чудом удалось найти 15 лошадей, чтобы отправить всех этих потомков грузинских царей из Москвы. Дворня с поклажей ушла пешком...

Следом появился полицейский офицер, весь в слезах, со своим трёхлетним мальчиком – забыта во время эвакуации мать! Что-то придумали и для них...

Ростопчин приказал архиепископу срочно уезжать с чудотворными иконами Богородицы (Иверской, Владимирской и Смоленской). Однако москвичи уже несли круглосуточное дежурство в храмах и не позволяли забрать святыни. Подействовало на люд только клятвенное заверение, что это приказание самого Ростопчина. Иконы отправились в Ярославль. На трехстах подводах вывезены патриаршая ризница и библиотека, ризницы соборов, Троицкой лавры и нескольких монастырей, вывезены дела консистории и синодальной канторы.

Отовсюду приходили к нему срочные донесения: отправлено, отправлено, отправлено... Вывезены комиссариат, Арсенал...

Отдал приказы разбивать бочки с вином, освободить содержавшихся под стражей за долги, караулам выступить за город...

Под охраной двух драгунских эскадронов отправились во Владимир полиция, чиновники и пожарные трубы...

Конные гонцы помчались по ночным улицам с криком: спасайтесь! спасайтесь!...

Следственный пристав Вороненко получил задание после вступления французов истребить огнём винный и мытный дворы, комиссариат, баржи, стоявшие у Красного холма и Симонова монастыря...

Занимаясь эвакуацией раненых и ценностей, Ростопчин решил бросить свои два московских дома – в Сокольниках и на Лубянке – на разграбление французам.

Ростопчин остановился на одном из бульваров, выжидая, когда же его ординарец придет с донесением о том, что неприятель уже вступил в город. Он был поражен опустошенностью столицы: среди множества пустых окон на протяжении пяти вёрст увидел только одну женщину с ребенком, опирающуюся на подоконник и смотрящую на бульвар. Ещё одна живая душа повстречалась взору Ростопчина – толстый старик, сидевший в халате у своего дома.

– Разве ты не можешь уйти? – машинально спросил Ростопчин.

– Да зачем же сударь, – усмехнулся старик. – В мои года не стоит уходить в другое место. Я остаюсь и не тревожусь о том, что меня ожидает. Пусть будет, что будет.

В это время ординарец доставил последнее донесение: Милорадович с арьергардом уже прошёл по Арбату, неприятель следует непосредственно за ним. Ростопчин направил лошадь к Рязанской заставе. Он уходил из Москвы в никуда. “Глаза закрывались, чтобы не видеть ужасной действительности, и приходилось отступать назад перед страшной будущностью”. Проехав за заставу, поворотил лошадь и почтительно поклонился главному городу Российской империи, своему дому, двум своим детям, похороненным в Москве. Прощайте!

На складах оставалось много военного имущества и продовольствия, которое хотели вывезти по Москве-реке. Однако в жару она обмелела, и первая же баржа крепко села на мель против Симонова монастыря. За ней остановились и другие суда.

Казенные склады находились в Кремле, на Лубянской площади, у Сухарева башни, неподалеку от Красного пруда... Среди прочего добра здесь было 20 тысяч пудов пороха, более полутора миллионов оружейных зарядов, 27 тысяч артиллерийских.

Ещё до сдачи Москвы Ростопчин твердо решил в случае отступления предпринять целый ряд чрезвычайных мер. Во-первых, утопить в реке оставшиеся запасы пороха и свинца, во-вторых, открыть винные склады, по возможности, разбить хранившиеся на них бочки с водкой. В-третьих, начать жечь эти склады, мытный двор, частные и казённые баржи на причалах у Красного Холма и у Симонова монастыря. “Москва в руках Бонапарта будет пустыней, если не истребит её огонь, и может стать ему могилой”, – злое еще повторял Ростопчин в кругу приближённых, расписывая возможный план действий. Шесть полицейских получили указание переодеться в штатскую

одежду и, в случае сдачи города, через Сокольницкий лес доставлять сведения о том, что происходит в Москве.

А в Москве на какие-то часы воцарилось полное безвластие. Последние русские войска уходили из города усталыми, но непобеждёнными. И если офицеры были удручены трагическим поворотом военных событий и падением древней столицы, то рядовые солдаты не теряли духа и не допускали ропота. . . Архаровцы – полицейский полк внутренней стражи, – brave ребята, сплошь пережившие на дочерях московских торговцев и ремесленников, покидали первопрестольную бодрой, стройной колонной, да ещё и с песнями.

В два часа пополудни Наполеон со свитой был у Поклонной горы: вокруг него сверкали стёкла подзорных труб, шелестели планы города, смиренно ждали указаний какие-то поляки, спешащие выступить проводниками по “варварской столице”.

Но со стороны Москвы не показалось никакого движения. Прождав с полчаса, Наполеон приказал скакать во весь опор вперёд. Всадники понеслись с невероятной скоростью, пехотинцы из последних сил старались не отставать – так рвалась эта стая к добыче. Через считанные минуты запыхавшаяся военная толпа остановилась у Дорогомилловской заставы. Наполеон оглядывался по сторонам. У распахнутых ворот великого города он почему-то то цепенел, то трясся, щипал себя за нос, мял в руках платок, сдёргивал перчатку – и всё это повторялось несколько раз. Никто из генералов, стоявших навытяжку, не смел пошевелиться или сказать хотя бы слово.

Наполеон напрасно смотрел, не покажутся ли на дороге депутаты от города. В ярости он спрашивал кого-то:

– Где ключи? Где Сенат? Где Ростопчин?..

Никто к нему не явился. Улицы были пусты. Наполеон отдал приказ авангарду двинуться вперёд и арестовать любой ценой Ростопчина – были даны точные приметы губернатора и обещана крупная денежная награда за его голову.

В четыре часа пополудни восемнадцать пушечных выстрелов возвестили о сдаче города. Где-то уже слышались удары, треск, крики – явные признаки начинавшегося погрома. Разбивали двери и окна брошенных купеческих лавок, пекарен. В запоздавшие последние кареты из подворотен вылетали увесистые булжники.

Уже к вечеру 2 сентября начали гореть лавки и хлебные магазины вдоль кремлёвских стен. Как вспоминали очевидцы, ночью огненный шар опустился на дворец князя Трубецкого. Это было похоже на сигнал к действию. Никто и никогда не узнает, кто поджигал здания: то ли французы, то ли русские воры, а может, и сами сторожа лавок, которые руководствовались правилом: коль скоро не моё, так будь же ничьё!

Следом загорелись скобяные и москательные ряды, новый гостиный двор, каретный ряд. Приказчик крупных промышленников Баташевых Максим Соков, оставленный в Москве следить за хозяйским добром, видел, как за Яузским мостом дым потянулся с крыши богатого каменного дома Лапина, потом и с соседнего с ним – деревянного. К утру пожар охватил деревянные дома у Яузы, огонь был готов перекинуться на фабрику, богадельню и поповские дома, но местные жители, защищая свои магазины и конюшни, остановили расползание пожара.

3 сентября огонь свирепствовал на Покровке, опустошил Немецкую слободу. Подул сильный, порывистый ветер с запада, перебрасывая огромные клочья пламени за Москва-реку. Искры как град сыпались на деревянные строения, огонь охватил огромные пространства, началось настоящее светопредставление, в котором неоткуда было ждать спасения.

Люди, задыхаясь в дыму, сбивались в кучки среди садов, с пожитками пробирались к рекам, но здесь у москвичей последнее отнимали французские солдаты. Начался вселенский погром. В домах и лавках ломали не только двери и окна, но и сами стены. Москва представляла собой необычайное зрелище: улицы были завалены дорогими вещами, мебелью, всевозможным бархлом, – всем тем, что могло представлять хоть какой-то интерес для грабителей. Всюду были слышны песни пьяных солдат, крики дерущихся.

В течение дня любой рискнул бесчисленное число раз подвергнуться наглому ограблению: его раздевали тут же на улице, выхватывали из рук любую поклажу, будь то краюха хлеба, меха или икона. У семинедельного младенца,

которого мать не могла кормить грудью, французы отняли полбутылки молока – это было 4 сентября 1812 года. Русскому человеку позволялось только натянуть на голое тело мешок с прорезью, чтобы не выставлять себя на позор, согреться или, наоборот, уберечься от огня.

На пылающем ветру неслись, обгорая в хаотичном полёте, клочья пакли, пучки сена, обрывки бумаг, цветные ассигнации. В ужасе люди видели, как загораются дома родственников и знакомых. Пламя, объяввшее всю Москву, сливалось, клубилось и пожирало всё вокруг. Воздух наполнился чёрным дымом и невыносимым смрадом, глаза людей налились кровью: обыватели и солдаты не узнавали друг друга, хотя ночь от пламени была светла как пасмурный день. Наполеон, стоя на балконе дворца, восклицал:

– Москвы нет более! Русские сами её жгут! Что за люди! Скифы! Скифы!..

Пожар гнал из города немногих оставшихся жителей. Они уходили, проклиная Наполеона.

7 сентября на раскалённую Москву упали первые капли дождя. Это означало спасение для тех, кто остался жив. Город словно перенёс смертельную болезнь – кругом только груды камней, дышащих невероятным жаром. В прах превратились здания, запасы товаров, продукты, мебель, книги, одежда и прочее, прочее. Сгорели не только дома, но и заборы, ворота – среди пепелищ одиноко торчало лишь то, что было сделано из камня и железа. На улицах вповалку лежали убитые лошади и незахороненные мертвецы..

... На выезде из города Ростопчин попал в нескончаемую колонну, когда по дороге экипажи двигались в три ряда целые сутки и ещё весь день в придачу. Никто не знал, может быть, отступить по бездорожью пришлось бы до Волги, до Урала, ещё дальше. Изнурённые люди падали от усталости. Повсюду слышался ропот:

– В конце концов мы придём в Сибирь. Царь захотел, чтобы мы отдали Наполеону всю нашу землю, и тогда французы объявят свободу. Александр и сам хотел бы этого, да не решается...

Через неделю после ухода из Москвы Ростопчин узнал о масштабах катастрофы. Обе Басманные, Покровка, Мясницкая, Лубянка, Тверская, Никитская, Моховая, Арбат, Пречистенка, Остоженка, всё Замоскворечье, Таганка, Воспитательный дом, Голицынская больница – всё это больше не существовало, один пепел покрывал громадное пространство.

В провинции множились слухи о том, что император Александр умер, уехал в Англию. Встретив в Туле воронежцев, Ростопчин узнал о том, что на Дону говорили, будто Петербург уже пал. А из Курска доходили слухи о свирепой чуме в Астрахани. Из других краев поступали и вовсе невероятные вести: будто Москва не взята французами, а англичане и сербы вступили в неё для защиты!

Спустя две недели после отступления из Москвы Ростопчин попал в своё имение Вороново. Зная о том, что через несколько дней сюда придут французы, пытавшиеся двинуться по Калужской дороге, Ростопчин принял твёрдое решение – сжечь усадьбу, объявив о том, что он не желает оставлять её врагу. 19 сентября с факелом в руке он обошёл безлюдные залы и комнаты, предавая огню своё жилище.

Потеря имущества, которое стоило десятки и сотни тысяч рублей, не была мучительной для Ростопчина. Философски он подвёл итог свершившемуся в письме жене: “Меня утешает только та мысль, что мы будем счастливее, когда станем беднее”.

В сентябре начались осенние дожди. Судя по письмам, пристанищем губернатора уже несуществующего города и губернии были то деревня Люберцы, то селение Пахра, затем Тула, Владимир. Фёдор Ростопчин стоически переносил испытания. “Мы заслужили беды, которые Провидение обрушило на наши головы”, – говорил он в те дни.

Об отступлении французов из Москвы Ростопчин узнал по пути в Ярославль. Сразу же командует в Москву полицейских, чтобы пресечь возможные беспорядки. Тем более что облетевшая московские окрестности весть об уходе французов подняла на ноги массу пригородных крестьян – на телегах они рванули в город, чтобы дограбить недограбленное. Роясь в пепелище, отбрасывая в сторону трупы, мародеры последней волны умудрялись-таки находить в подвалах запасы соли, вина, медных денег, а иногда и чего подоро-

же. Уцелевшие в пожаре драгоценные вещи тут же начали перекочевывать на стихийный толкучий рынок.

Сидя в дормезе – дорожной карете, где можно ехать лёжа, – Ростопчин вместе со своим секретарем Александром Булгаковым мчался в Москву. Всюду на пути с короткими рапортами его встречали воинские и полицейские начальники. Пронзил рассказ полицмейстера в городке Богородске: здесь во время оккупации по подозрению в убийстве пяти французов были взяты в заложники пять мещан. Двоих расстреляли, двоих повесили, а оставшегося погрузили в масло, а потом заживо сожгли. Этим огнем палачи раскуривали трубки, а потом, опьяненные зверством, горланили песни... У женщин отрубали пальцы, если на них были кольца. Неслыханные грабежи, насилие, варварство, о котором невозможно было даже говорить вслух!

По пути попадались сожжённые деревни, мертвые тела на обочине. Начиная с Измайловского зверинца, число брошенных трупов увеличилось. Ростопчин в сопровождении драгун, казаков и гусар въехал в первопрестольную с Рогожской заставы.

Еще могло показаться, что город, несмотря на военные обстоятельства, встретит своих обитателей прежним радушием и уютом. Ведь всего 39 дней были здесь французы! Но ошибался тот, кто так думал! В самом деле, масштабы разрушений превосходили самые страшные предположения. Ростопчин проехал Таганку, Солянку, Китай-город: не встретил ни одного дома, который бы не был сожжён или разрушен. Кое-где стояли закопчённые дома без крыш, с обвалившимися стенами. Местами попадались горы лошадиных трупов...

У Иверских ворот Китай-города лавки с обеих сторон были сожжены и разбиты. Спасские ворота оказались заперты, Никольские ворота завалены обломками шпиля (во рву под мостом валялся огромный двуглавый орел, прежде венчавший башню). Ростопчин поворотил к Боровицким воротам, где была выставлена надёжная стража, не пускавшая никого в прежнее место пребывания царей.

При всех страшных известиях, доходивших из Москвы, истинная картина Кремля оказалась ещё ужаснее: обожжённые человеческие трупы лежали вперемешку с конской падалью. Царский дворец сгорел, на большой лестнице валялись кучи соломы, капусты, картофеля. Грановитая палата была сожжена, кое-где ещё струился дым. Но соборы остались целы, несмотря на то что Василий Великий получил продольную трещину по стене, обращенной к Красному крыльцу. Его пытались взорвать по приказу Наполеона.

Огромная пристройка патриарха Филарета к Ивану Великому, оторванная взрывом, лежала при его подножии. Сенат, Оружейная палата, дом митрополита были разграблены и разорены, взорвана половина Арсенала.

Все смешалось: камни, балки, разбитая дворцовая мебель, искорёженные фургоны, невесть откуда взявшиеся в Кремле понтонные лодки, и, конечно, колокола, кресты. В Успенском соборе французы устроили мастерскую по переплавке платины, золота, серебра: у патриаршего места на стене был начертан счёт – 325 пудов серебра, 18 пудов золота.

В Благовещенском соборе навалена бездна бумаги, святые мощи частью расхищены, частью изувечены и разбросаны: царевичу Дмитрию отрубили руки и голову. Погибли летописи, подаренные Екатериной II графу Мусину-Пушкину, сгорела библиотека графа Бутурлина, стоившая миллион рублей.

Часть Кремлевской стены, обращенной к Москва-реке, была обрушена... Москва испытала последствия тех же мерзостей и того же буйства, что и два века назад, во время нашествия поляков. Из 237 московских церквей 115 сгорели, от двенадцати храмов остались только пепелища, остальные разграблены, превращены в конюшни, амбары и бойни, загажены навозом. Из Чудова монастыря Ростопчин сам выгонял одичавших коней.

Он был настолько поражён увиденным, что появившаяся было бодрость совсем покинула его. Из 9128 каменных зданий в Москве осталось 1725, из 8788 деревянных – 2479. Москва и губерния понесли ущерб на 320 миллионов рублей. В городе, прежде насчитывавшем 275 тысяч жителей, осталось всего несколько тысяч нищих обитателей, боявшихся показаться на улицу.

По личному указанию Наполеона был сожжен загородный дом Ростопчина, который стоил не меньше 150 тысяч рублей. Благо, что дом на Лубянке уцелел, хотя Наполеон лично приказал при отступлении уничтожить и его (может быть, уберегла расположенная рядом деревянная католическая церковь?).

Вернувшись в свой дом, Ростопчин на протяжении суток никуда не выходил, днём и ночью бродя по пустым разграбленным комнатам: не осталось ни картин, ни книг, ни даже инструментов для физических опытов, которые он любовно собирал на протяжении многих лет. О чём бы не спрашивали Ростопчина, он начинал плакать и твердить одно и то же: Москва погибла, превратилась в общую могилу, в мире нет таких сил, чтобы поднять её!

Когда в ноябре первый снег занёс дороги и улицы, Ростопчин велел привести арестантов — членов так называемого муниципалитета, составленного оккупантами из москвичей-изменников. Наполеон даровал им знаки отличия: красные и белые ленты. Ростопчин приказал навесить на плечи несостоявшимся правителям эти позорные банты и отправил сгребать снег на виду у всего честного народа. . .

Как ни тягостен был Ростопчину возврат в Москву, нескончаемые заботы жителей города заставили его впрягаться в дело. Кров, пища, вспомоществование, врачебная помощь. . . Армия уверенно шла на запад, а Ростопчин хлопотал в разрушенной Москве. По шажку дело налаживалось.

11 ноября Александр писал Ростопчину: “Обращая попечительное внимание наше на пострадавших жителей московских, повелеваем вам немедленно приступить к призрению их и к поданию нуждающимся всевозможной помощи, возлагая на вас обязанность представить нам о тех, которые наиболее претерпели”.

В начале декабря 1812 года Александр уехал из Петербурга. Отправляясь в действующую армию, царь поручил Ростопчину немедленно собрать достоверные сведения о числе пострадавших от войны жителей Москвы и губернии и об их нынешнем положении, представить предложения о вариантах помощи им.

Ростопчину было также приказано разместить беженцев таким образом, чтобы не допускать тесноты, порождающей эпидемии. Конечно, одной из самых опасных была угроза эпидемий: вода в реках, прудах и колодцах отравлена мёртвыми телами. Только на Бородинском поле в течение зимы было сожжено 58 630 человеческих трупов и 31 765 убитых лошадей. В Москве сожгли более 23 тысяч трупов тех, кто умер в дни оккупации: в декабре ежедневно предавали огню по 200–300 человеческих тел и по сотне лошадиных трупов.

К концу года в город вернулись 64 тысячи жителей. Ростопчин раздавал деньги нуждающимся от имени императора (соответственно состоянию, возрасту и понесённым утратам). К примеру, тем, кто обитал в землянках, давали по 15–20 копеек на день. Бедняков поместили в богадельни, снабдили тёплой одеждой. Уже 19 октября была восстановлена работа почты, в декабре возобновили деятельность почти все присутственные места.

Ростопчин издал приказ, в котором объявил, что “все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто ими в данный момент владеет. Всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни” (по всей видимости, так было удобнее установить полицейский надзор за оборотом бесхозных вещей в Москве. — **А. К.**). В первое же воскресенье горы награбленного имущества загрохотали огромную площадь. Так родилась знаменитая Сухаревка. . .

Ещё в декабре 1812 года Ростопчин послал Александру три проекта памятника в честь победы над Наполеоном. По словам Ростопчина, памятник должен был “свидетельствовать перед грядущими веками о безумии Наполеона и о Вашей мудрости. Для пирамиды, в том виде как она запроектирована, потребуется 800 пушек. . .”. Впрочем, уже в январе 1813 года Ростопчин писал одному из своих знакомых: “Что народу памятник из пушек и храм Христа Спасителя? До сего времени у меня нет ни копейки для бедных, и если бы не остатки чрезвычайных сумм и мои собственные деньги, верных пять тысяч человек умерло бы от голода и нищеты. Кутузов сказал великую и скромную истину: “Государь, Бог велик. Но никто не знает, входит ли в его намерение спасение России во второй раз”.

Весной 1813 года для восстановления и реконструкции Москвы решением Александра была создана Комиссия для строений, которая просуществовала до 1842 года. Возглавить комиссию царь поручил Ростопчину (в ранге главного начальника комиссии), директором был князь Д. Цицианов, видное место

занимали в ней лучшие архитекторы О. И. Бове, А. Григорьев, В. И. Гесте и другие.

Изучив прозвучавшие на заседаниях комиссии предложения, Ростопчин принял решение: внести коррективы в исторически сложившийся облик города, особенно его центра:

– Город должен вновь выстроиться. Надо, чтобы он возродился из пепла и чтобы достопамятная картина его разрушения осталась лишь в памяти тех, кто был очевидцем его бедствия.

Спрямылись и расширялись улицы, получила новую парадную застройку территория, окружавшая Кремль и Китай-город. Великолепным созвездием вокруг них располагались обновленные или созданные заново площади и проезды. Главным делом комиссии стала, конечно же, реконструкция Красной площади. У стен Кремля был разбит Александровский сад. Проходивший перед Кремлевской стеной ров, который соединял реки Неглинную и Москву, был засыпан. Окружавшие его с обеих сторон несколько рядов крепостных стен, разобрали. Территория Красной площади стала намного обширнее.

Реконструировались старые (Воскресенская) и создавались новые площади (Калужская, Серпуховская, Миусская, Конная). Возобновилась начатая в конце XVIII века прокладка кольца бульваров и прилегающих к нему улиц.

В предписании архитекторам и строителям Ростопчин сформулировал принципиально новое отношение ко всем древним сооружениям как к историческим ценностям. Кремль и Китай-город, Покровский собор предписывалось сохранять в “первобытном их положении”. Впервые был официально зафиксирован их новый статус исторических памятников.

Комиссия имела пять кирпичных заводов, ей подчинялись несколько строительных батальонов. Было налажено производство колонн, дверей, оконных рам, лепнины, чтобы придать архитектурную целостность восстановленному городу.

С воодушевлением встретила Москва известие о победе в Лейпцигской битве в октябре 1813 года. Ростопчин распахнул двери своего кабинета для всех горожан: сотни людей пришли к нему, чтобы поздравить с победой и от всей души расцеловать. Вечером город утопал в праздничных огнях: особым украшением стало панно перед домом Ростопчина. В ликовавшей толпе всяк старался рассмотреть эту диковину. Вокруг изображения Александра было написано “спасает”, а вокруг ратника с булавою – “карает”. В середине изображён взрываемый Наполеоном Кремль, колокольня Ивана Великого от основания до золотой главы исписана именами русских побед, над колокольней было помещено одно только слово – “устою”! Над воротами сияли слова “миру – мир”. Восхищенная Москва, позабыв о своих бедствиях, предавалась радостной мысли о том, что ею спасена не только Россия, но и вся Европа.

Московский театр возродился в 1814 году. Первой пьесой, сыгранной на московской сцене, была драма Бориса Фёдорова “Крестьянка-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы”. Пьеса шла тридцать раз кряду.

Но, как ни удивительно, в глазах публики несомненные заслуги Ростопчина в деле восстановления и генеральной реконструкции города не имели особого веса. И среди московской элиты, и среди обывателей бесконечно муссировались причины пожара Москвы. Ростопчин, оставшийся после смерти фельдмаршала Кутузова, по мнению обывателей, едва ли не главным действующим лицом событий августа–сентября, вынужден был вести постоянную полемику с многочисленными оппонентами. Большинство на все лады, повторяя французскую версию, объявляло Ростопчина виновником пожара, в котором погибли не только тысячи зданий, но и огромные культурные ценности, а главное, раненые русские солдаты. По большому счету, реально Ростопчину в вину можно было поставить только вывоз пожарной техники. . .

В чём же заключалась причина формирования в послепожарной Москве сильной враждебной губернатору партии? По всей вероятности, неподкупный и строгий Ростопчин, распорядившийся миллионами рублей, не шёл ни на какие тёмные сделки, которыми так богато строительное дело. Подрядчики и хозяева, стремившиеся нажиться за счёт государства на завышении расходов, получали жесткий отпор со стороны градоначальника. А о том, что желавших получить из царской казны жирный куш оказалось великое множество, можно судить хотя бы по такому курьезному случаю: одна бары-

ня выставила Ростопчину счет на 380 рублей за... сгоревших во время пожара канареек!

Ростопчин обречённо говорил своим доверенным людям:

– Теперь я снова в немилости у дворянства, у купцов и у народа, как начальник комиссии о постройках. Если каждому позволят строиться как ему угодно, то не будет прохода по улицам...

Похоже, каплей, переполнившей терпение Ростопчина, было то, что в августе 1814 года после судебного разбирательства в Сенате все изменники – члены наполеоновского муниципалитета Москвы – были прощены и отпущены на свободу. Их, изгоев, простили, его продолжали травить!

Ростопчин не выдержал и открыто заявил царю: “Во все времена моё честолюбие состояло лишь в том, чтобы снискать вашу доверенность, я был ею облечён и спас империю”...

30 августа 1814 года Александр принял отставку Ростопчина, одновременно назначив его членом Государственного совета и сохранив звание состоящего при особе государя. На место Ростопчина был назначен генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов.